

БОРИС БЛАНК: * «КАЮСЬ, «НОВУЮ ПЬЕСУ» НЕ СТАВИЛ...»

ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО ИНТЕРВЬЮ БЫЛО ОПУБЛИКОВАНО В ЖУРНАЛЕ «ПЛАНЕТА КРАСОТА» N1-2 (СТР. 64-66)

— В вашей постановке пьесы «На дни» подчеркнуто проступила общая линия в судьбе всех персонажей: они все трудолюбивы. Бедные, и богатые. Простые, и дворяне. Иные даже удачливы. Но все в итоге оказываются «на дни»...

— А такая страна наша, Россия. Не зря говорят: от тюрьмы и от сумы не зарекайся! Никогда не думай, что ты ухватил бога за бороду! Почему? Потому что нет в России настоящих богатых и бедных. То есть, они как бы есть. Но Россия — страна постоянных внутренних перестановок. То мэра вдруг сменяют. То олигарх теряет все. То высшего чиновника переставят. То кто-то вдруг взлетит на самый верх. И имя его на слуху. Но вот уже и нет его, и забыли... Потому что страна такая. Такой менталитет. Можно сколько угодно сетовать, ругаться — но надо это принимать. Великая страна! И мифлогичность мировосприятия поддерживает ее величие. Хотя для многих и многих конкретных людей их личное возвышение — преходяще. Как бы высоко не вознесся — но упадешь до самого низа. Либо в историческом плане, либо в личном, либо... Так что делай, что должно, а там что будет! Тот же ректор РГГУ Афанасьев писал: «Рубикон перейден, исторического оптимизма нет и быть не может. Но живет только странная, мистическая надежда на то, что может что-то произойти вопреки всем доводам и всем текущим событиям. Вопреки логике исторической и человеческой». Вопреки! Потому что в России все — вопреки. Но я должен сказать и вот что: если обрушить «коллективную мифологию», то, боюсь, рухнет и все прочее... Я всегда говорю так: я защитник свободы всех меньшинств: сексуальных, национальных, конфессиональных, социальных, какие там еще бывают? Но при любой свободе меньшинства должны понимать: нельзя раздражать психологию консервативного большинства. Любое общество держится на менталитете консервативного большинства! Надо понимать психологию консервативного большинства. Если их мифы разрушить окончательно... Все рухнет! Но некоторые мои коллеги либеральных взглядов считают, что я не совсем прав. И даже нехорошо ко мне относятся. Но я-то

все равно их люблю...

— А есть вещи, запретные для художника?

— Это зависит опять же не от неких запретов или разрешений. А от совести каждого. Есть пределы, за которые, пожалуй, опасно заходить. Особенно актерам. Это чревато эмоциональным срывом. Да и для общества, не только для художника, это опасно, потому что есть границы, за которыми в общественном сознании происходят некие невосстановимые разрушения. В общественной морали есть невосстановимые вещи. Мы перешли какую-то опасную грань. Это как вот в психологии, когда человек медитирует! Душа куда-то улетает, выходит. И иногда может не вернуться из этой медитации. Так что есть необратимые процессы. Они происходят. И, стремясь к безобразному самовыражению, художник все же должен быть... настороже!

— Один художник излагает совершенно бытовую, историю, но у него открываются духовные и философские высоты. А у другого на том же самом материале — явное смакование грязи.

— Тут просто один художник, а другой не художник. Что такое «смакование грязи»? Тут критерии размыты. Общие слова! Вот были всегда художники — живописцы, композиторы, драматурги, которые, на мой взгляд, являются эталоном. Вот Босх. То, что он увидел в жизни и показал нам... А вроде такой густой бытовизм! Сколько было других художников, великих, грандиозных, умелых! Они прекрасные. Замечательные! Но что бы они ни делали, они не показали нам того, что показал Босх.

— Но жизнь мир вокруг, общество меняются. Чтобы сохранять прозрачность, художнику тоже надо меняться. Не только же творю и творю... Вы осознаете внутренние перемены?

— Я знаю, что я развиваюсь. Что во мне и со мной что-то происходит. Иногда помимо меня. Но если говорить о каких-то точках отсчета, о ясном осознании сильных внутренних перемен... Такое, например, было, когда я познакомился со своей нынешней женой. Она посмотрела однажды, еще в советское время, мои работы на выставке в «Манеже» и

сказала, что ей стыдно за меня. А я ее люблю! Меня это задело. И я спросил: почему? Она мне объяснила. Она меня «переучила». И я стал другим человеком. Да! Я ведь был вполне искренне советским человеком. Я был членом партии. Для меня это было нормально. Я был человек совершенно социалистических нравов... Я же был человек завистливый... Я «не любил богатых». Напрягало, когда кому-то давали большие деньги на фильм, и у него все делалось хорошо. Причем, не по профессиональным заслугам, не по таланту!

— Когда вы делаете фильм или спектакль, вы думаете о результате? Вы надеетесь, что он кого-то может изменить? Или поможет иначе взглянуть на мир и на себя?

— Я ни на что такое не надеюсь. Господь решит... И вообще, я не знаю, кого оно может поменять, искусство? И возможно ли «массовое взаимопонимание» художника и других людей. Но ведь мне хочется славы. Мне хочется криков «Ура!» Конечно. Я тщеславен. Но это не может удовлетворить. Даже «широкое признание» само по себе не придает смысла и осмысленности творчеству. Свобода — все, что тебе нужно. Отсутствие внешнего давления, цензуры. И деньги дают свободу. Но надо работать и без «внешних условий свободы». Творчество стоит на внутренней свободе.

— Ну да, творческая воля как абсолют «свободной частной инициативы».

— Вот-вот. И тогда в результате я могу надеяться, что, возможно, найдутся люди, которые примут итог моих трудов, которым покажутся — это про них, и которые через мою душу ощутят свою душу... Пара тысяч людей из миллионов.

— При таком соотношении — продюсеры, боюсь, вас не поймут...

— Но другой надежды у художника нет. И само творчество, и его восприятие очень индивидуальны... Лично я могу идти только от себя. Хотя, наверное, у кого-то иначе. Как-то Александр Гордон посмотрел мой фильм, кажется, по Чехову — «Если бы знать», и сказал мне очень разумную вещь: вам надо снимать не только о себе, но и немножко о других. Но я отталкиваюсь от себя. Я знаю, что

сказать и что показать актеру, что от него потребовать. Именно потому, что у меня есть опыт моей жизни. А жизни других... Не то, что я их не знаю. Они меня мало интересуют. Но моя жизнь такова, что, наверное, в чем-то соответствует многим иным жизням. Не только у нас тут. Но и, скажем, американским. Хотя они совсем не похожи на нас. У них другая религия. И далеко не всегда они хорошо относятся к другим... Господь дал им уникальный шанс. Эта страна — плавильный котел. Вавилон. И поразительное дело! Они очень ценят и защищают индивидуальность и права индивидуума. Но все это — в пределах закона. И попробуй ты нарушить, будь ты хоть самый простой человек, хоть президент... Они сочинили грандиозный трактат о своей жизни — гениальную Конституцию! Сколько раз я был в Америке, столько раз это меня поражало: подчинение индивидуальности каждого общему принципу. И при этом — яркое ощущение свободы. А вот еще очень не похожий на нас, но очень любимый мною народ — грузины. Три лучших фильма Йоселани — это портрет совершенно уникальной человеческой общности: грузинского народа. Как они собираются и поют вместе! Вот где внутренняя свобода!.. Вот бы какой свободе нам поучиться. А то наша «творческая богема» думает, что она и воплощает принцип внутренней свободы. Только истинной богемы у нас нет. Все эти богемные наши... Они неодаренные. Они все заимствовали на стороне. Я их терпеть не могу. Потому что это подворотня! Если же вернуться к разговору о результате творчества, о пути к нему... При всем максимализме, которого требует творчество, надо вообще-то реально оценивать ситуацию и видеть то, какие открываются возможности. Вот, например, я как режиссер ставлю спектакль. И мне дают актеров, которые свободны. Не заняты в других работах. А они не соответствуют моему представлению о том, какими должны быть основные герои сюжета. Но! Вдруг они раскроют привычные об-

разы как-то по-другому? Я пытаюсь понять их индивидуальности. Вдруг они подкажут совершенно новый ход! Дело ведь не в том, чтобы неукоснительно добиваться того, что вы задумали. Я, допустим, задумываю некий результат. Но он у меня никогда не получается таким! И это нормально. Все меняется на пути к итогу. Все — по-другому! Путь к результату изменяет первоначальный замысел и определяет результат. Вот пишете эскиз... Вы можете придумать все гениально! Но вы пишете плохо. Плохо! Плохо! А потому вдруг что-то такое забрезжит... Такое чувство, что руки ищут и живут отдельно от сознания. Рука бывает «умнее» художника. Потому результат для меня только один: какой получится. На какой меня выведет. Внутренняя, нередко неосознаваемая логика моего собственного замысла и всего процесса, который ведет к результату. И еще логика произведения драматурга, который тоже ее не до конца осознавал! Да, это все — работа. Ты за нее получаешь гонорар. А деньги нужны! И есть некоторые договоренности с продюсером о том, что хотелось бы получить «на выходе». Но при этом, что называется, «как рука пойдет». «Кривая» творческого процесса выводит тебя не совсем в то место, куда ты стремишься... И надо суметь понять: получилось то, что нужно! Да, определенный замысел нужен. И форма не должна быть рыхлой. Но нельзя жестко держаться начальных собственных «установок». Надо быть гибким. Замысел формы может измениться по ходу ее «складывания», а она подтянет к себе какое-то новое содержание... В общем, знаю про себя вот что: ругают в итоге — обидно. А если хвалят, дескать, как я здорово все предугадал и достиг задуманного, — я очень рад.

— А если в конце понимаете: «нет то»? Фильм можно спасти в ремонтировке — это делается порой после пробных показов. А спектакль? Его не изменить!

— Бывает. Понимаю — ошибся. Я снимаю очень быстро. Вижу ошибки. Каюсь. Но что делать! Но ничего пе-

редельвать не буду. И перемонтировать тоже. Я могу даже позволить другим людям сделать поправки. А сам не буду: я уже выплеснулся! Для меня состоялось вполне цельное ощущение того, что есть итог.

— Когда вы — постановщик, кто в вас «верхний» — художник или режиссер? Или происходит «раздвоение личности»?

— Я всегда начинаю с того, каким будет изображение. С создания среды. Вне среды я не представляю себе ничего. Есть среда — и я чувствую, что и как в ней может произойти. Мир материален. Определяет бытие сознание или нет — не знаю. Но у меня мир, в котором разворачивается сюжет, — конкретен.

— Рассуждая о творчестве, вы нередко говорите о высшей направляющей силе. Такое понимание своих отношений с творчеством дарит вам надежду?

— Мною руководит сама жизнь. У меня масса проблем. Что-то не выходит. Нет столько денег, сколько нужно для воплощения замысла. И сам замысел, может, ошибочен. Я чего-то не понимаю. Я завистлив. Но Высшее Существо дало мне эту способность творить. Это счастье — делать то, что я могу делать. Вот я это придумал. Сотворил! Без этого Высшего Существа я туп, глуп, я абсолютно неадекватен. Я никто. При этом я думаю, что я человек не религиозный. Я не исповедую никакую религию. Терпеть не могу кликуш и фанатиков! Но когда я придумаю, творю — я даже грешить не могу. Потому что я же знаю, что это — не я. И вот в этом как раз моя надежда. И я ею делюсь с другими.

— А о судьбе своих работ вы думаете?

— Художник сотворил — а дальше как Господь направит. Художник отвечает только за моральность своих поступков. В семье. Во взаимоотношениях с коллегами. С друзьями. Предал — не предал. А судьба произведений... Шедевры они или нет? Жизнь и время покажут. Мы все время думаем: для чего жить? Духовнее мы других или нет? Но нет ничего греховнее, как без конца пытаться Господа: для чего жить? Господь дал десять заповедей. Исполни! Нереально? Ну, хотя бы попытайся! И тогда, может быть, он тебе откроет: для чего жить. Как ты можешь к нему приставать, что жизнь нехороша? Ты попробовал исполнить хоть одну заповедь? Нет? Тогда пошел ты!.. Только тому, кто попытается исполнить заповеди, Господь откроет... А, может, и не откроет! Пути его неисповедимы. И нет у тебя права у него требовать. Живи! Исполни заповеди. Радуйся своему дару!

Беседавал Валерий Безунов.